

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПЛАН РИТОРИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОПОВЕДИ

И.А. Петрушко

*Аспирант кафедры английского языка
e-mail: ivan_petrouchko@mail.ru*

Тверской государственной университет

В статье рассматриваются и типологизируются современные коммуникативные стратегии организации проповеди. Типология актуальных макростратегий слова Церкви включает медийную, аргументативную, эмотивную и диалогическую. Также анализируются функции дейктических маркеров и номинативных средств языка, выступающих ресурсом управления восприятием и пониманием пастырского послания и достижения коммуникативных целей проповеди (маркеры диссоциации, ассоциации, солидаризации, консолидации).

***Ключевые слова:** языковая личность проповедника; коммуникативная стратегия; риторический баланс; дейксис говорящего и слушающего; проблема общего языка.*

Проповедь может рассматриваться как коммуникативный процесс и коммуникативное событие, сочетающее в себе план межличностного взаимодействия между проповедником и слушателями и план диалогических отношений между человеком и голосом абсолюта (Божественного начала). Сложные социальные процессы современности затрагивают и такие традиционные формы коммуникации, как проповедь. Наблюдаются изменения в характере аудитории слушателей на фоне общей либерализации взглядов на церковное общение и стремления общества к многообразию социальных типов людей. Осмысление драматичного характера встречи проповедника с новыми условиями речевой деятельности подталкивает ряд современных исследователей к несколько преждевременному выводу о том, что современная проповедь потеряла свою силу под воздействием новых и мощных социокультурных факторов, а сам язык церкви перестал быть понятным простым людям. В означенном контексте проповедническая деятельность мыслится как проблематичная [Petrousko, Vogatyrev 2017], что в свою очередь делает задачу описания продуктивных и при этом плодотворных путей и способов организации речи проповедника достаточно трудной. И тем не менее такого рода описание возможно и необходимо с опорой на понимание глубинных основ церковного красноречия и на достижения современной лингвистической науки. Осмысление современных вызовов требует разработки описания стратегического плана риторической организации

проповеди, позволяющего говорящему достичь цели проповеди (хотя бы на уровне иллокуции). Под *стратегией* мы будем понимать единство четко сформулированной цели, используемых для ее достижения ресурсов и авторской программы действий применительно к сложившейся ситуации и обстоятельствам с учетом особенностей аудитории слушателей. Ниже предпринимается попытка систематизации в основных чертах актуальных подходов в РПЦ к решению проблемы воздействия и установления диалогических отношений между современным пастырем и его аудиторией.

Прежде всего, отметим основные стратегические линии реализации контактов и развития диалога проповедника как представителя церкви с современной аудиторией слушателей. Изменения в информационном пространстве и окружении человека диктуют выбор новых каналов связи и новых подходов к организации контакта и выбору режимов взаимодействия с реципиентами сообщения. В означенной связи представляется правомерным выделение в особую группу *медийной стратегии* современной церкви в установлении и поддержании связей с обществом. Обвинения со стороны церковных деятелей в безнравственности содержания информационных потоков, распространяемых с помощью телевидения, сегодня не являются препятствием для проведения политики активного представления религиозного мировоззрения традиционных религий в формате телепередачи специализированных телеканалов. В сфере телевизионного вещания, а также в сфере Internet-коммуникации проявляется установка на модернизацию форматов донесения слова пастыря до общественности.

В качестве современных образцов реализации миссионерской просветительской деятельности в медиа-сфере можно назвать такие Internet-проекты как мульти-блоги протоиерея Дмитрия Смирнова [Мультимедийный блог... Смирнова [http](#)], протоиерея Андрея Ткачева [Собрание проповедей... Ткачёва [http](#)], заслуженного профессора богословия МПДА Алексея Ильича Осипова [Официальный сайт ... Осипова [http](#)]. Официальную позицию Церкви выражают официальные сайты Патриархии и всех синодальных отделов. Миссия духовного просвещения осуществляется через популярные Интернет-издания «Патриарх говорит» [Патриарх говорит [http](#)], «Фома» [Православный журнал Фома [http](#)], Интернет-порталы «православие.ру», «предание.ру», выпуски популярных ТВ-программ, таких как «Слово Пастыря» с участием патриарха Кирилла и «Церковь и мир» с участием митрополита Илариона (Алфеева).

В ряду преимуществ макростратегии медиакommunikации можно назвать возможность максимального охвата аудитории, полиадресность текста. Однако отсутствие прямого непосредственного контакта с большей частью аудитории может также выступать помехой успешному пониманию

центральной идеи сообщения. С другой стороны, для подготовленного выступления в медиа-формате характерны проработанность и подготовленность содержательной части проповеди (например, подготовлены остроумные ответы на заранее присылаемые зрителями/слушателями вопросы). Кроме того, в студийных условиях записи медиа-сообщения предполагается возможность редакторской корректировки манеры выступления и определенной части контента (например, в случае записи аудио-, телепередачи или Интернет-блога).

Преимущества широкоэмитальных каналов, связанные с возможностью донести сообщения на дальние расстояния и до многих слушателей, формировать повсеместно постоянную аудиторию реципиентов, могут быть оптимально реализованы при условии решения проблемы «общего языка». Однако названная проблема сегодня осмысливается и обсуждается как затрагивающая все каналы и форматы церковного общения. Она также может быть позиционирована как *мета-проблема*, на решение которой направлены все стратегии организации современной православной проповеди.

Вторая (*аргументативная*) крупная группа макростратегий актуализации слова проповеди, обращенного к современной разнородной аудитории слушателей, связана с развитием системы аргументации истины веры. Здесь следует отметить достаточно сложный процесс возрождения православной традиции проповедничества в ее своеобразии и полноте. Трудности обусловлены, с одной стороны, 70-летним перерывом в восполнении развития традиции, с другой – агрессивной атеистической интеллектуальной средой, представляющей собой плоды советского воспитания интеллигенции (см. письмо академиков: [Политика РПЦ МП... [http](http://)]), с третьей – чрезмерным влиянием христианской литературы иных конфессий, вызванным сложившимся на определенном этапе дефицитом доступа к литературе православной, а также некритичной рецепцией богословского стиля других церквей [Осипов 2014]. Не вдаваясь в многочисленные детали, отметим здесь только один стилистический момент – задушевный стиль православного богословия, просвещающего людей тихим фаворским светом божественной любви. И как взрывная, истеричная эмоциональность абсолютно чужда православному богословскому рассуждению, ему также не близка и холодная рассудочность рассуждения учителя математики, демонстрирующего очередное доказательство теоремы путем решения сложного уравнения.

Третья (*эмотивная*) группа макростратегий актуализации слова проповеди, обращенного к современному слушателю, органично дополняет вторую. Православной проповеди присуща гармония рационального и эмоционального начал. Заслуживает внимания конфессиональный аспект проблемы эмоциональности – сдержанная в православной традиции (фаворский свет, твердость в смирении), сухость

рационализма у лютеран, страстность и массовидность эмоциональных проявлений у слушателей католических проповедников. Воспитание православной культуры чувств и эмоциональных переживаний – одна из неизменных педагогических задач православного проповедника (осуждаются гнев, уныние как эмоционально-аффективные проявления греха гордыни, злословие и насилие как следствия дурного воспитания чувств). В православии осуждается, впрочем, и высокоумие, так как в соответствии со Священным Преданием православной Церкви главное – жить духовной жизнью, а не рассуждать о ней. *Эмотивный вектор* православной проповеди проявляется в том, что слово проповедника вызывает в слушателях состояние благоговения, восхищения (Божественными дарами), уверенности (в выбранном пути, занимаемой нравственной позиции, своих силах) или напротив, раскаяния, сомнения, духовного искания средств и методов исправления своих путей.

Проповедник использует апелляцию к эмоциогенным ситуациям, образам, словесным выражениям как источникам формирования у аудитории слушателей *смыслов-переживаний* (и «*смыслов-к-переживанию*») [Богатырёв 1998; Безроднова 2016]. Работа с переживаниями реципиентов слова проповеди – прямая и косвенная апелляция к переживаниям и к эмоциогенным ситуациям и событиям (например, таким как Рождество Христово, Пасха). Напомним, что проповедник выступает в *роли языковой личности* – субъекта говорения и коммуникации и коммуникативных поступков, совершаемых с помощью языка [Богин 1980: 3–4]. Сюда же входит умение проповедника подобрать оптимальную форму обращения к аудитории, выбрать тон, дистанцию, содержание и модус сообщения, модус послания, стратегии установления, сокращения и увеличения дистанции со слушателями и между слушателями проповеди, выстраивания иерархии ценностных ориентиров в душе. Тональность проповеди должна соответствовать ее теме (например, Благовещение – таинственная и светлая; Рождество – умилительная, светлая и радостная; Пасха – сложная гамма чувств и переживаний, перерастающих в триумф веры и т.д.).

В означенной связи заслуживают особого выделения и рассмотрения эвокативная и провокативная функция речи проповедника. Описанные А.П. Чеховым в рассказе «Студент» пробужденные у нечаянных слушательниц выступления прекраснодушного студента-семинариста переживания по всей внешней видимости достаточно бесплодны, аморфны и, вероятнее всего, основаны на интенсивном переживании жалости к самим себе [Чехов 1984]. Между тем в сферу направленности слова проповеди входит утверждение в слушателе определенной нравственной позиции и пробуждение деятельной установки верующего человека к миру и другим людям.

Под *эвокативной* функцией мы имеем в виду некоторое «припоминание» образа (что соответствует предложенной уже Аристотелем модели познания чего-либо истинного), его воскрешение в памяти, сопровождающееся воссозданием и новым «проживанием» существенных черт первоначальной (прото-)ситуации (описанной или «опредмеченной» в некотором прецедентном тексте – например, библейском или житийном), а под *провокативной* – мотивирующее стимулирование воображения и рефлексии как источников более полного и глубокого понимания. Ограничение риторического фокуса слов проповеди одной только эвокацией образов делает ее достаточно скучной, а решительный отрыв от эвокативного ядра превращает ее в произвольное наставление. Поэтому хорошая проповедь всегда основывается на *гармоничном балансе* данного и нового, традиции и повседневности. Установка проповедника на пробуждение рефлексии оживляет воскрешаемые в сознании слушателей образы и придает им связь с их собственной жизнью, накладывает узы ответственности, способствует укреплению в нравственных чувствах и сознательному выбору человеком продуктивных моделей христианского поведения в ситуациях этического выбора. Рациональный вектор слова проповеди в православной традиции гармонирует с эмотивным, но не позволяет взять эмоциям верх над осознанием. Православная проповедь стремится к *симфонии*, предполагающей в церковном общении гармоничный баланс эмоционального и рационального, внешнего и внутреннего, истории и современности, возвышенного и повседневного, коллективного и индивидуального [Петрушко, Богатырёв 2018].

Макростратегия диалогизации слова проповеди может показаться на первый взгляд излишним элементом в ряду названных стратегий, поскольку в известном приближении входит в самую суть первых трех, уже название которых указывает на поиск путей установления контакта и диалогических отношений с реципиентом Слова. Однако было бы большой ошибкой отвергнуть диалогическую стратегию Церкви, представляющую краеугольный камень всей конструкции проповеднической деятельности. В ней сосредоточена вся суть проблемы языка, стиля и смысла гомилетической деятельности. Донесение смысла проповеди не только до ушей, но и до сердец и умов современного слушателя сегодня представляет собой важную социальную миссию проповеди, требующую соответствующего филологического осмысления. При этом стратегия диалогизации речи проповедника не должна пониматься чрезмерно узко – например, как использование языковых форм и стилистических приемов, направленных на имитацию диалога, непосредственной разговорной манеры речи и т.п. (см.: [Караджев 2014]). Добросовестный проповедник стремится к установлению *подлиннодиалогических отношений* Слова и слушателя, что, однако, составляет непростую задачу в условиях

разностороннего расслоения общества. Особый аспект рассмотрения в плане решения общей задачи духовного просвещения может составлять мера воцерковленности аудитории слушателей проповеди. При этом приобретает особую значимость и личность, и имидж, и манера речи самого проповедника, представляющего христианскую традицию и Церковь. Проблема общего языка пастыря и паствы есть проблема диалога.

Одной из особенностей современного общества выступает готовность человека пользоваться плодами чужих усилий в режиме экономии своих собственных. Традиция ранней христианской Церкви предполагает постепенное возвышение слушателя к уровню духовного понимания слов проповедника, о чем свидетельствует раннее деление гомилетических жанров в режиме восхождения от азов веры к духовной практике – от керигмы к дидахе и далее к параклезису и затем только к 'homilia', направленной на преобразование жизни укрепленного в вере слушателя в духе христианского вероучения [Баркли 1982].

Постулируемая нами *синтагматическая структура проповеди* в общем виде достаточно стандартна: (1) мотивированное обращение к слушателям и вступление к теме; (2) чтение и изложение толкуемых слов Библии и (3) раскрытие ключевых смыслов фрагмента «прецедентного текста» или ситуации; (4) обсуждение нравственного приложения понимания проповеди для аудитории слушателей и (5) духовное напутствие.

Проиллюстрируем устойчивость означенной синтагматической структуры следующим примером очень краткой проповеди митрополита Антония Сурожского, сказанной после богослужения: «Не далее как вчера на вечернюю службу пришла женщина с малышом. Но она была одета в джинсы, на голове не был повязан платок. Я не знаю, кто именно ей сделал замечание, но я приказываю этому прихожанину молиться об этой женщине, ребёнке до конца дней своих, чтобы Господь спас их. Из-за вас она может никогда не прийти в церковь» [Самая короткая проповедь <http>]. Обращение владыки Антония Сурожского к слушателям (1) представлено в свернутом виде; оно основывается на очевидности подразумеваемой связи с внимательно слушающими прихожанами храма. Библейский предтекст (2) (см.: [Библия, Ин, гл. 8]) отнесен к опыту посещения храма, чтения Евангелия и слушания толкований проповедника. В фокусе рассмотрения (3) представлена обыденная ситуация, зрителями и участниками которой выступили сами слушатели проповеди (кто-то фактически, а кто-то готов был поступить также в сердце и помышлении). Проповедник раскрывает пастве смысл происшедшего, показывает греховную составляющую фарисейского ожесточения сердца и (4) нравственное приложение необдуманного поступка прихожанина. Духовное напутствие (5) содержит в себе призыв к *покаянию*, нравственному исправлению и молитве. В рассматриваемом случае

библейские образы снисхождения, милосердия, сострадания и участия в судьбах людей, данные самим Спасителем, вынесены в *предтекст*. Обличительная риторика проповедника обусловлена тем обстоятельством, что в данном случае им не дано было воплотиться в жизнь по причине чьей-то нравственной незрелости и незречести. Эта имплицитная стратегия оправдана *прагматикой ситуации* (все собравшиеся обладают определенным опытом приходской и духовной жизни, которого не хватило на то, чтобы осознать / прозреть духовным оком суть и последствия случившегося) и вносит свой вклад в иллюкутивный эффект проповеди. Анализ текста подтверждает инвариантность названных синтаксических структурных компонентов. При этом полнота их формального (эксплицитного) представления средствами прямой номинации может варьировать от проповеди к проповеди. Как можно видеть, элементы поверхностной синтагматической структуры могут быть представлены в проповеди в синкопированном виде без существенных потерь для понимания. Значительно более критичными с точки зрения формирования и актуализации этического послания проповеди выступают потери ключевых *семантических элементов* ее содержательности.

Поскольку лингвориторические стратегии проповедника могут быть описаны различным образом, мы остановимся на некоторых из возможных описаний, способных характеризовать выбор говорящим средств и способов оптимального речевого воздействия и взаимодействия с аудиторией. При опоре на лингвистическую категорию личностного дейксиса в традиции К. Бругмана, К. Бюлера и последователей можно выделить следующие категории стратегической организации речи проповедника, направленной на управление образами адресатов, – (а) *диссоциации*, (б) *ассоциации*, (в) *солидаризации*, (г) *консолидации*. Им соответствует реализация в речи проповедника следующих риторических установок: на противопоставление и разрыв связей; на установление связей; на объединение верующих в одно сообщество людей, демонстрирующих стояние в единой вере; на объединение усилий коллектива верующих для достижения важных общих целей.

Часто проповедь открывается дейктическими маркерами *всеобщего «Мы»*: «Раз за разом мы слышим в Евангелии Почему же это не случается с каждым из нас?..» [Блум 2003: 82]. В данном случае сначала мы видим, что проповедник обращается ко всем людям вообще, тем самым подчеркивая всеобщий характер Евангельской вести. Затем мы наблюдаем постепенное *перемещение (сужение) фокуса обращенности*. Он обращается к тем людям, которые задумываются или способны задуматься над содержанием евангельских слов. При этом он не упускает из виду всеобщий характер связи человечества и божественной любви. Он формулирует свой вопрос и как общечеловеческую проблему, и как вызов умам и чувствам верующих. Он испытывает их своим вопросом. Он

позволяет слушателям найти в себе возможности различных подходов и решений в занятии личностной позиции к Богу. Тем самым он показывает, как легко испытать то, что многим покажется чем-то глубоко скрытым в человеке и почти совершенно неподдающимся определению. Затем священник многократно испытывает характер личной связи человека с Богом через готовность «стряхнуть с себя» привычки человека тленного, смертного, страстного. Он указывает на особую способность и готовность человека принять исцеление от Бога. В конце проповеди он призывает всех задуматься о своей готовности стать достойным чуда божественного исцеления. Когда проповедник вопрошает «Способны ли мы принять исцеление?», он имплицитно вводит *разделение всеобщего «мы»* на достойных и недостойных [Блум 2003: 82–84]. Этот иронический дейксис обладает большой риторической и герменевтической мощью и составляет основу риторической структуры всей проповеди. Объединяющая и разъединяющая (диссоциирующая) функции проповеди образуют органичное целое, как бы уже само подвигающее к объединению людей на новых началах понимания духовного смысла божественной любви.

Как отмечает А.О. Ханский, некоторые форматы коммуникативного воздействия / взаимодействия, например, вербальное утешение, оптимально определяются в терминах «стратегической организации», по сопоставлению с которой понятия речевого акта и речевого жанра выступают в роли узкоспециальных и сравнительно поверхностных форм описания коммуникативного процесса [cf. Ханский 2002: 5]. Поскольку проповедник обычно обращается к людям, находящимся в трудной ситуации, его слова интерпретируются как слова поддержки, утешения и надежды. Утешение связано с интерпретацией жизненной ситуации и выделением фокуса ответственности человека перед Богом, а также модусов принятия ситуации и раскрытия ее глубинных смыслов либо противодействия ситуации путем ее деятельного изменения, также основывающегося на разделяемых ценностных смыслах христианского вероучения. Слова проповедника обычно посвящены внутреннему плану переживаемой ситуации, допускающему определенные изменения в оценке ее человеком и его отношении к ней. Здесь заметна противоположность стратегических векторов направленности вдохновляющего слова пастыря на внешний или на внутренний планы ситуации, на мужественное принятие жизненных обстоятельств либо активное им противодействие и их изменение. Однако природа выбора оптимальной стратегии обуславливается интерпретационной деятельностью. Проповедник не принимает решение за людей, к которым обращена проповедь. Окончательное решение при этом остается за слушателем, к свободе которого обращена православная проповедь. При этом в педагогическую стратегию и социальную миссию проповедника входит воспитание слушателя на основе христианских ценностей.

Слово православного проповедника всегда опирается на авторитет Священного Предания, духовную традицию Церкви. При этом мастерство проповеди связано и с индивидуальным творческим подходом проповедника к решению задачи донесения Слова до сердец слушателей. Индивидуальный и творческий подход диктует манеру речи и характер выступления проповедника. Например, согласно подходу, высказанному митрополитом Антонием Сурожским, проповедник говорит из своего внутреннего опыта, стараясь вчувствоваться в мир переживаний героев библейского повествования, а слушатель эмпатирует его состояния и духовные открытия [Блум 2003: 11]. При этом решительно отрицается метод аргументации тезиса лукавыми словами. Традиция православной гомилетики богата многообразными примерами блестящего искусства проповедников самого различного склада характера. Не случайно Святейший Патриарх Алексий в своих рекомендациях проповеднику отмечает, что каждый православный проповедник может найти себе пример для подражания в святоотеческой традиции православной проповеди, например, в лице таких богословов, «как митрополит Филарет Московский, непревзойденный по глубине раскрытия богословских истин проповедник, других более увлекает аскетическое направление проповеди, и они приемлют к сердцу дух проповедей епископа Феофана Затворника и епископа Игнатия Брянчанинова; наконец, есть среди нас лица, которым по духу поэзия проповедей архиепископа Херсонского Иннокентия и отчасти – подробное красноречивое раскрытие истин христианских архиепископов Одесских Никанора и Димитрия и т.д.» [Мнение Святейшего Патриарха... [http](http://)].

Представленное выше описание стратегического плана организации православной проповеди основывается на выделении трех принципиальных уровней управления рецепцией Слова Божия в современной аудитории слушателей. Стратегический план организации проповеди может трактоваться: (а) в терминах нахождения актуальных форм контакта и взаимодействия с аудиторией (на уровне выбора макро-стратегий проповеди); (б) в терминах управления метами дистанции в понимании и разделении основополагающих христианских смыслов-ценностей (дейктический план проповеди); (с) непосредственно в терминах управления конкретными интерпретационными установками реципиента в речи проповедника (непосредственный семантический план проповеди). Все подходы к описанию стратегического плана православной проповеди объединяет стремление к содействию в достижении главной цели проповеднической деятельности – донесения христианских истин до умов и сердец слушателей.

Библиографический список

Баркли Уильям Толкование деяний Святых Апостолов: пер. с англ. Вашингтон: Всемир. союз баптистов, 1982. VIII. 216 с.

Безроднова И.А. Жанрообразующие особенности интендирования ключевого мета-смысла «Детство» в тексте Е. Калинин «Скобяных дел мастер» // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12-2 (54). С. 13–19.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. 1376 с.

Блум Антоний, митрополит Сурожский. Воскресные проповеди. Таганрог: Издатель Е.А. Сухова, 2003. 232 с.

Богатырёв А.А. Элементы неявного смыслообразования в художественном тексте: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Тверь, 1998. 100 с.

Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин, 1980. 61с.

Караджев Б.И. Фактор адресанта и адресата в дискурсе СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2014. № 3. С. 40–46.

Мнение Святейшего Патриарха Алексия по вопросам современного проповедничества [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/propovedi/gomiletika-konspekt-dlya-3-go-kursa.shtml#1_mnenie_svjatejshego_patriarkha_aleksija_po_voprosam_sovremennogo_propovednichestva (дата обращения: 19.03.2018).

Мультимедийный блог протоиерея Дмитрия Смирнова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dimitrysmirnov.ru/blog/> (дата обращения: 19.03.2018).

Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. 496 с.

Официальный сайт профессора Московской Православной Духовной Академии Осипова Алексея Ильича [Электронный ресурс]. URL: <http://alexey-osipov.ru/> (дата обращения: 18.08.2018).

Патриарх говорит [Электронный ресурс]. URL: <https://slovo.patriarchia.ru/> (дата обращения: 19.03.2018).

Петрушко И.А., Богатырёв А.А. Адресато-центричная лингвистическая модель коммуникативного события православной проповеди // Вестник ТвГУ. Серия Филология. Тверь: ТвГУ, 2018. С. 175–184.

Политика РПЦ МП: консолидация или развал страны? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ufn.ru/tribune/trib240707.pdf> (дата обращения: 19.03.2018).

Православный журнал Фома [Электронный ресурс]. URL: <https://foma.ru/> (дата обращения: 18.08.2018).

Самая короткая проповедь // НЛО МИР. Интернет-журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://nlo-mir.ru/religia/44212-mitropolit-antonij-surozhskij.html> (дата обращения: 19.03.2018).

Собрание проповедей протоиерея Андрея Ткачёва [Электронный ресурс]. URL: <http://www.andreytkachev.com/> (дата обращения: 19.03.2018).

Ханский А.О. Коммуникативные стратегии вербального утешения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002. 18 с.

Чехов А.П. Рассказы. М.: Современник, 1984. 287 с.

Petrouchko I.A., Bogatyrev A.A. Modern Christian Orthodox Preacher as Social Communicator Concept (A tentative model of linguistic personality of a preacher in educational context) // Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities (CILDIAH 2017) in: Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR). 2017. Volume 97. Pp. 226–232.